

ОТ АВТОРА

О РЕГЕНТСТВЕ

Под эпохой Регентства часто понимают исторический отрезок приблизительно с 1788 по 1830 год, хотя, собственно говоря, Регентство как таковое продлилось девять лет – с начала февраля 1811 года, когда принц Уэльский был провозглашен принцем-регентом при психически больном отце Георге III, по конец января 1820 года, когда он официально взошел на престол под именем Георга IV. Наличие материалов и желание глубже раскрыть, разнообразнее осветить тему привели к тому, что не все романы «червоных дам» датируются строго официальной эпохой Регентства, однако, памятуя о том, как сильно все может измениться даже за одно десятилетие, мною предприняты всяческие усилия ограничиться рассмотрением двадцатилетнего периода с 1800 по 1820 годы.

Для единообразия будущий Георг IV в тексте везде именуется принцем-регентом даже там, где речь идет о более ранних годах, когда *de facto* он еще титуловался принцем Уэльским.

О ЦИТАТАХ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РЕГЕНТСТВА

Во всех цитатах сохранены орфография и пунктуация, как в первоисточниках, однако для понятности и удобочитаемости некоторые не самые очевидные современному читателю сокращения дополнены расшифровкой в квадратных скобках.

ВВЕДЕНИЕ

«Лондон таким унылым прежде не знала», — жаловалась в письме сыну недовольная обитательница особняка на Гровенор-сквер¹ в конце марта 1810 года. Улицы и площади Вест-Энда к тому времени, вероятно, начали пробуждаться от зимней спячки, наполняться громоханием колес карет и угольных фургонов, мерным стуком медных дверных молотков и криками слуг. Все эти звуки свидетельствовали о том, что богатые лондонцы вернулись в город, а главные торговые артерии снова закипели жизнью и показами мод нового сезона. И приглашения на первые домашние приемы и светские сборища наверняка уже красовались на каминных полках. Но чего-то явно недоставало. «До сих пор не слышно ни об одной партии, — жаловалась она, — флирт все никак не начнется».

Для леди Спенсер-Стэнхоуп именно романтика была биением вихря сезона светской жизни эпохи Регентства; этим она, по сути, стала и для всего этого исторического периода. Буквально все — от вздох читаемых романов до лощенных костюмированных драм — преподносило романтику и Регентство естественной, идеальной и неразлучной парой. Подумайте только о кратком отрезке времени с начала XIX века по смерть Георга IV в 1830 году, когда прозой Джейн Остин зачитывалось первое поколение ее читателей, в моде были платья в стиле ампир, а по всей стране разносился стук колес почтовых дилижансов, а не поездов, тогда первыми вам на ум придут, вероятно, мысли не о войнах в Европе и Америке и не о растущем бурлении яростных призывов к политическим реформам, а о романтике.

¹Топонимы и имена собственные даются в переводе в общепринятом или ближайшем к оригинальному звучанию написании. — *Прим. пер.*

Бесспорно, есть нечто бесконечно притягательное — и даже заветное — в ухаживаниях той поры: когда правила помолвки были ясны; когда флирт подразумевал мимолетные соприкосновения ладоней, долгие взгляды и встречи глазами через весь танцевальный зал; когда одиночки отправлялись на поиск не случайных знакомств, а спутников жизни.

Залитые светом сверкающие балльные залы, в которых они общались, создают идиллический фон для романтической сюжетной линии.

Однако же романтические образы эпохи Регентства — будь то на бумаге или на экране, современные или классические, — порою выглядят плодами чистой фантазии. Героини все как на подбор — смелые, независимые и уверенные в себе красавицы. Они уповают встретить любимого и обретают его, даже будучи бесприданницами. Строгие нормы и условности высшего общества им не преграда. И «суженые» им обычно достаются из числа светлейших и достойнейших, так что все заботы о будущем у этих дам часто развеиваются навсегда прямо под звон свадебных колоколов.

Но каково это было в действительности — отправиться на поиски любви в эпоху Регентства? Что реально означало замужество? И не слишком ли далеки от истины так полюбившиеся нам сказки о приятных во всех отношениях свободомыслящих героях и героинях, преисполненных силы духа?

«Эпоха Регентства. Любовные интриги при британском дворе» стали результатом поиска ответов на эти вопросы, за которым мы отправились не только в парадные гостиные, а по реальным балльным залам и будуарам тех лет, описанным так, как они есть, теми, кто обитал там, чтобы правдиво и без прикрас рассказать истории жизни и любви женщин эпохи Регентства.

На страницах книги, в общем и целом, отражен опыт лишь тех, чьи семьи жили в разездах между фамильными загородными имениями и внушительными особняками в Лон-

доне; чьи имена и титулы служили пропуском как в королевские дворцы, так и в элитные клубы Альмака; чьи чистых доходов с лихвой хватало на любые прихоти — от оперных лож до рессорных ландо и от экстравагантных балов до пригласившихся на модных показах первых образцов. Они и только они задавали ритм и правила того мира, который по праву почитали за собственность, и того образа жизни, который зачаровывал даже современников, становясь излюбленной темой сатирических памфлетов и шаржей, а главное — нескончаемых светских хроник в печатных изданиях, отводивших полосы и полосы под освещение их шумных вечеринок и многообещающих флиртов, тайных измен и громких супружеских дразг.

Именно богатство материала делает дам высшего света естественным центром внимания любой книги подобного рода. Ведь помимо газетных отчетов все они благодаря своей состоятельности оставили обширное эпистолярное наследие, располагая временем и средствами без конца обмениваться длинными письмами, которые на удивление хорошо сохранились в семейных архивах, а также вести дневники и писать мемуары, которые их потомки в предвоенные годы с энтузиазмом публиковали. Таким образом, хотя нравы и обычаи, взгляды и ожидания жен и матерей из благородных семей высшего круга придворных едва ли сильно отличались от повадок и воззрений представительниц так называемого поместного дворянства, наводнявших ассамблеи провинциальных городов, здесь собраны истории женщин из гедонистических сливок высшего света — прекрасных дам бонтона, то есть, безоговорочно высокородного бомонда.

Кто именно входил в этот круг избранных, точной науке неизвестно. В целом, бонтон или просто *тон* состоял в основном из пэров и знатных землевладельцев с их семьями; но, определенно, не все аристократические семьи располагали средствами или желанием их расходовать на занятие места в этих рядах. Точно так же и не все протиснувшиеся в щедро золоченые салоны ради лихорадочного све-

дения знакомств за время бального сезона были аристократических кровей. Знать, к кому обратиться, как правильно одеться и блеснуть умом или красотой, — все это также могло порою послужить ключом к заветной двери в великосветские круги. Совершенно очевидно лишь одно: бомонд являл собою невероятно привилегированную горстку людей, которая никоим образом не представляла Британию эпохи Регентства.

Лондон как тогда, так и сейчас, был городом, где находилось место и богачам, и нищим, представителям самых разных рас, этносов и вероисповеданий. Но клубы и бальные залы Мейфэра были другим миром, доступным лишь мизерному меньшинству обладателей богатства и власти — тем, кто жил в роскоши и с армиями прислуги в мире, который для них почти не имел границ, в то время как большинство британских граждан почитали за счастье в кои-то веки хоть раз выбраться за пределы родного квартала или городка. В грубом приближении из двенадцати миллионов населения страны не более 0,1% располагало доходами, позволявшими перебираться каждый год в город для участия в светском сезоне. При всем множестве вдохновенных им романов, этот модный свет был, в действительности, крошечным, а вращающиеся в нем видные семьи — зачастую тесно сплетенными перекрестными брачными или политическими узами.

Слухи о романах и брачных перспективах занимали умы членов светского общества, подобных леди Спенсер-Стэнхоуп, неспроста. Наблюдение за хитросплетениями флирта и искрами страстей, предсказание возможных союзов и посылная помощь или противодействие их зарождению были не просто приятным времяпрепровождением. Все это имело высший смысл, поскольку без брака неоткуда было взяться законным наследникам дворянских титулов, фамилий и землевладений. Само выживание элиты зависело от способности найти своим чадам подходящие пары для продолжения рода, дабы со временем было кому передать

по наследству владения и пэрские звания. Само выживание благородной семьи иногда бывало поставлено на кон брачных игр: одно блестящее сватовство — и вся семья может стать богаче, влиятельнее и даже вступить в новый, ранее недостижимый круг. Сыну вместе с женой могут достаться деньги и земли. Дочери, вышедшей за члена влиятельной в политическом плане семьи, может открыться возможность пристроить на денежные посты в парламент или правительство своих братьев или сосватать сестер за достойных друзей мужа.

Много ли истинной любви нужно для завязывания подобных романов? Этот вопрос все еще оставался предметом дискуссий. Однако для родителей поколения аристократов, повзрослевших в эпоху Регентства, характерно не только заключение браков лишь по любви, но и редкостное по единодушию нежелание не только принуждать, но даже и подталкивать собственных отпрысков к вступлению в брак по расчету и против веления сердца. Весь смысл циклически повторяющейся череды светских событий лондонского сезона, — а длился он обычно с возобновления в конце января парламентских заседаний и по начало июля, — заключался в том, чтобы отправить на эти без малого полгода своих сыновей и дочерей на просторы бальных залов, — и пусть там ищут себе подходящие пары из числа допущенных, обуздывая чувства разумом и соизмеряя страсть с практической выгодой.

Куртизанка Гарриетта Уилсон, самая известная из «модных нечестивиц» той эпохи, как раз и назвала себя поэтично «червонной дамой в игре любовных страстей», однако именно это описание как нельзя лучше соотносится и с ролями, которые брали на себя и куда более высокородные ее современницы в своих преисполненных романтических чувств жизнях.

Необходимость сбалансировать любовь с финансовой безопасностью и семейным долгом; стратегии, требуемые строгими социальными нормами, двойные стандарты и су-

ровые юридические ограничения для женщин являлись подводными камнями, которые иногда приводили к неверным поступкам.

Это история о том, как в таких условиях жили и что делали шесть женщин, их родные и двоюродные братья и сестры, друзья и подруги и просто знакомые. От богатейших наследниц до тех, кто одними лишь талантами пробился в *тон*; от дам, кому сама мысль о выборе женихов была в тягость, до тех, у кого от них отбоя не было; от невест, которые бежали из-под венца, до тех, кого из-под него увели. Воистину романтические повести о том, как жили и любили настоящие женщины в столь милую и близкую нашему сердцу историческую эпоху.

ГЛАВА I

ВЕСЕННЯЯ КАМПАНИЯ

24 января 1809 года, вскоре по возвращении их семьи в Лондон, в холодном зимнем сумраке леди Сара Спенсер села за письмо младшему брату Бобу. «Я никоим образом не против того, чтобы нам умерить пыл с посещением раутов и вечеринок, — сообщала она ему по поводу их намерения выходить в свет пореже, чем в предыдущем сезоне. — Но я тебе обещаю, — писала она дальше явно не без улыбки, — что буду и дальше всякий раз лишь делать вид, что мне жаль потраченного там впустую времени, из страха допустить хотя бы предположение, что лучше бы мне это время занять зубрежкой греческих стихов или магических заклинаний, сидя дома».

Будучи к тому времени уже ветераном с четырьмя лондонскими сезонами за плечами, Сара прекрасно отдавала себе отчет в том, что модной девушке подобает испытывать раболепное восхищение мегаполисом и его весенним светским круговоротом. И ей, как рожденной в высших эшелонах аристократии и имеющей в числе тетушек двух таких гранд-дам как Джорджиана, герцогиня Девонширская, и Гарриет, графиня Бессборо, полагалось разделять их энтузиазм. Но мичман Роберт Спенсер, благодарный получатель ее отчетов с передовой модного мира, знал, что именно это его сестре-домоседке изначально и давалось труднее всего.

Второй граф и графиня Спенсер вывели старшую дочь в свет рано — в начале 1805 года, за полгода до ее восемнадцатилетия. Сара впервые предстала перед глазами лондонской публики в январе, и это был, по ее словам, «самый столичный из балов, как все говорят», но официальный

ее дебют состоялся лишь в мае. Как и у множества других девушек, чья принадлежность к бомонду была предопределена по праву рождения, переход Сары из школы в свет был формально отмечен паломничеством во дворец, где ее представили королеве Шарлотте. «Не могу сказать, что мне многое запомнилось, — отчиталась она в письме в ответ на расспросы встревоженной бабушки относительно той церемонии, — да и слава Богу, что все кончилось, — и даже лучше и быстрее, чем я ожидала».

Леди Сара Спенсер

Ее представление прошло в одной из гостиных Сент-Джеймского дворца сразу после дневного приема, проводившегося раз-другой в месяц и открытого для всех желающих из числа благородной знати. В заранее объявленный день около двух часов пополудни королева занимала свое

место между двумя из окон, идущих вдоль всей стены неприязательной внутренней гостиной, и в «самой грациозной манере» принимала череду новобрачных, чиновников, недавно получивших назначение или повышение, и юных дебютанток высшего света.

Для столь высокородной девицы как Сара никакой необходимости лично представлять перед королевой для получения благословения на официальный дебют или участие в лондонском сезоне не было. Она и так имела на это полное право — более того, не все семьи, имевшие такое право, им пользовались, находя траты на «выход» дочерей в свет непомерными. Даже обзаведение придворным платьем само по себе было делом крайне дорогостоящим. Шились они обычно из лучшего шелка, атласа или крепа, украшались серебряной вышивкой или обильной кружевной отделкой и элегантным шлейфом сзади и обходились в среднем в сотни фунтов. На одной чаше весов подходящее, но довольно незамысловатое платье, купленное всего за 50 фунтов (около 3700 фунтов по нынешним ценам), а на другой — молодая наследница, получившая аванс от своих попечителей в размере 1500 фунтов, чтобы предстать перед двором, это впятеро больше среднего годового заработка приходского священника.

Платья были не только дорогими, но и невероятно неудобными. До официального вступления принца-регента на престол в качестве короля Георга IV в 1820 году протокол требовал от дам появляться при дворе исключительно в платьях с юбками колоколом на поясном обруче, которые давным-давно вышли из моды в качестве вечерней одежды. Эти тяжелые и теплые платья были к тому же столь объемисты и жестки, что стесняли движения и не позволяли присесть без особых ухищрений. «Когда они сидели в карете, обруч доходил им чуть ли не до плеч, так что кроме ладоней с веером и видно-то ничего не было», — вспоминала женщина, которую в детстве взяли посмотреть на прибытие дам ко двору. Другой наблюдатель язвительно прошелся

по «нелепейшим» головным уборам придворных дам той эпохи: высокие плюмажи вынуждали их запрокидывать головы назад до отказа и сидеть так в полной неподвижности до самого прибытия во дворец.

Втиснуться в карету вместе с обручем и плюмажем было лишь первым испытанием для дебютанток, вознамерившихся предстать перед королевой. Его они обычно проходили не позднее полудня, поскольку позже улицы Мейфэра оказывались запружены каретами и портшезами желающих попасть ко двору. В день собственного представления в 1805 году Сара с матерью и тетей Джорджианой добирались до Сент-Джеймского дворца в портшезах, которые несли сопровождавшие их лакеи в ливреях и подходящих случаю шляпах с белыми перьями.

Во дворце их ожидали гостиные, полностью «подходящие» для того, чтобы ломиться от увешанных драгоценностями аристократок, борющихся за жизненное пространство. Невероятная теснота была, похоже, извечной проблемой двора, будь то покои Сент-Джеймского дворца или позже Дома королевы (как поначалу именовался Букингемский дворец): по площади они в разы уступали общественным присутственным местам, собиравшим сопоставимые по числу прибывавших толпы. А в 1810-х годах ситуация усугублялась еще и тем, что старая и немощная королева Шарлотта держала открытыми не более трех-четырёх гостиных, да и те не всегда. Случаи обмороков среди дам в этой давке были далеко не редкостью, и Сару не на шутку пугала перспектива лишиться чувств прилюдно, а уж жалобам на «буквально порванное в клочья платье» и вовсе никто не удивлялся.

«И вошли мы такой толпой, что были похожи на колоду карт: одна опиралась на другую, пока все не оказались рядом с королевой», — рассказывала Сара бабушке. Хорошо еще, что не сбылись ее худшие страхи, и она лично не сбила королеву с ног под напором сзади, а даже как-то исхитрилась под самым носом у Ее Величества извернуться

и поцеловать ей руку и даже исполнить достаточно низкий книксен. Королева сказала, что рада видеть ее мать в добром здравии, и собравшиеся при ней принцессы тоже сказали какие-то учтивости, но нервы к тому времени лишили Сару остатков разума. «Боюсь, как бы они не сочли меня за тупицу, — призналась она, — ведь я им, по-моему, ни слова не вымолвила в ответ».

Робкая и не склонная к высокой самооценке Сара, вероятно, еще не вполне оправилась к тому времени, когда ее мать леди Спенсер одиннадцатью днями позже устраивала у себя нечто такое, что газеты сообразовали назвать «одним из великолепнейших балов и роскошнейших ужинов сезона» в честь дебюта старшей дочери. На расходы не скупилась: столы на первом этаже дома Спенсеров были накрыты на четыреста персон, и на них красовались всевозможные отборные фрукты на серебряных блюдах; наверху в большом балльном зале с видом на Грин-парк сияли пять роскошных люстр, воздух «полнился ароматом горшочных цветов», а пол был покрыт изящными меловыми узорами¹. Именно здесь, чуть позже одиннадцати вечера, толпа модников, среди которых был принц-регент, не сводила глаз с Сары, когда она уводила танцевать одного из своих кузенов — не то лорда Дунканна, не то его брата, капитана Фредерика Понсонби (в зависимости от того, какую газету вы предпочитаете читать по утрам).

«Она, конечно, не красавица, — размышляла позже миссис Калверт, ставшая одной из свидетельниц дебюта Сары, — но интересна и притягательна и обаятельным личиком, и ладной фигуркой, и милой непринужденностью манер». Сара и сама понимала, что писаной красавицей не была — в отличие от своей матери. Граф Спенсер некогда даже признал, что «сам своим чувствам не поверил», когда

¹ Меловые узоры на полу, помимо декоративной, преследовали и чисто прикладную цель — обеспечивали сцепление гладких подошв туфель гостей с отполированным до зеркального блеска паркетом, чтобы танцующие не поскользывались. — *Прим. авт.*

они с будущей женой обручились в 1780 году. Ум и сатирическую жилку Сара от леди Спенсер унаследовала, но вот заносчивой самоуверенности матери ей, увы, явно не доставало. И все же, какими пугающими ни казались бы само публичное выступление и первый «выход в свет», это был момент, к которому такие девушки как Сара готовились давно.

Подобающие манеры прививались будущим светским дамам с детских лет. Миссис Калверт, красавица-жена депутата парламента от Хартфордшира из свиты принца-регента, публиковавшая в частном журнале прилежно записываемые ею хроники жизни как собственной семьи, так и модного мира в целом, чувствовала себя «обязанной читать лекции» своей двенадцатилетней старшей дочери Изабелле всякий раз, когда навещала ее в школе в год дебюта Сары. «Любовь к разговорам в ней столь крепка, — сетовала она, — что я считаю необходимым ее проверять при всякой возможности». Юных созданий наподобие Изабеллы и Сары с подросткового возраста учили хорошей осанке и походке и, конечно же, всесторонне оттачивали танцевальные па, прежде чем выпустить в свет, но в придачу к этому заранее показывали им во всех деталях еще и как устроен сезон. Будучи в городе, девочки имели возможность воочию наблюдать, как их старшие родственницы наряжаются к приемам при дворе; давали им заглянуть и за кулисы подготовки танцевальных и банкетных залов к большим балам и ужинам; наконец, для оттачивания практических навыков танца и светских манер для них устраивались детские балы.

Определенно, и Сара, и ее младшая сестра Джорджиана (в кругу семьи — Джин) и до выхода в модный свет не раз проводили в городе много времени вместе с родителями. Сара, в целом, конечно, предпочитала совместное пребывание всей семьей в Элторпе, их усадьбе в Нортгемптоншире, где они обычно зимовали, или на вилле в Уимблдоне. Политическая карьера графа Спенсера, однако, требовала от них подолгу оставаться в их откровенно роскошной резиденции дворцового типа в Сент-Джеймсе. Зато тогда

